

Вернувшись тем летом в дом номер четыре по Прайвет-драйв, Гарри ожидал, что его заточат в спальне, из которой он буквально вырвался (конечно, с помощью летающей машины) в прошлом году, силой или простыми ограничениями.

Однако по прибытии он обнаружил, что у него даже больше свобод, чем было в детстве; это означало, что ему запрещено практиковать, изучать или даже обсуждать магию, но по большей части его просто оставили без присмотра, если только он не сделает что-нибудь неудобное для Дурслей.

Конечно, он не собирался допустить, чтобы его домашнее задание осталось невыполненным, но, кроме этого, он был уверен, что Дурсли были (для них) довольны его решением оставаться в своей комнате по собственному желанию; большую часть времени он держал дверь закрытой и почти не шумел. За ужином он часто слышал, как дядя Вернон, грузный, багроволицый человек с проблемами гнева и кровяного давления, бормотал о том, что он разочарован тем, что Гарри не сбежал снова.

Хотя Гарри не был удивлен негативным отношением родственников к его дальнейшему присутствию, он просто не считал нужным сказать им, что он просто хочет побыть в одиночестве; в конце концов, они и так счастливы, что им не приходится иметь с ним дело, зачем заставлять их чувствовать, что они должны мешать ему радоваться тому, что его оставили в покое?

Действительно, единственной, кто, казалось, стремился вторгнуться в его пространство, была тетя Петуния. Она и дядя Вернон, очевидно, заподозрили, что Гарри может изучать магию в своем одиночестве, и впервые на памяти решили быть хитрыми в своих отношениях с нежеланным племянником: Петуния решила периодически убираться в комнате Гарри, физически выгоняя его перед началом уборки, и, хотя она действительно делала это на высшем уровне, похоже, ее сильно раздражало, что она не может найти его "школьные вещи".

Самым странным моментом лета, однако, был момент, когда ему по почте пришел пергамент из Хогвартса; по правде говоря, он был как нельзя более вовремя, потому что если бы он пришел в любое другое время, его отношения просто сожгли бы его.

Вместо этого это была форма разрешения, позволяющая ему посещать город под названием "Хогсמיד" в особые выходные в течение следующего учебного года, которая стала козырем Гарри для очень особенного визита; совершенно ужасная женщина, которая заставила Гарри называть ее "тетя Мардж", приехала к нему с недельным визитом, и Гарри оценил свой особенный шанс, предложив дяде Вернону целую неделю играть любую роль, которую его настоящие тетя и дядя захотят ему дать, в обмен на "подписание этой грубой бумаги".

Когда Гарри посмотрел на это как следует, он обнаружил, что весь этот опыт был довольно забавным. Дядя сочинил историю так, что Гарри теперь посещал школу под названием "Охранный центр Святого Брута для неизлечимо преступных мальчиков".

Очевидно, над этой историей не очень хорошо подумали, так как это означало, что играть эту роль ему придется в роли неизлечимо преступного мальчика.

Хотя трюки и тому подобное были забавными, и то, что ему разрешили создавать проблемы в присутствии его родственников, было весело, последствия от тети Мардж были не такими уж серьезными. Действительно, по мере того, как шла неделя, ее поведение становилось все более пугающим, поскольку ее первоначальные удары языком переросли сначала в резкие шлепки тростью, а затем в натравливание на него своей собаки, старого и злобного бульдога по кличке Риппер, когда он выходил за рамки дозволенного.

Гарри старался не заходить слишком далеко (он не хотел, чтобы Мардж почаще приходила к нему, чтобы "держать его в узде"), но к концу недели самого простого проступка, например, не выбросить фантик от конфеты (оставленный на полу кузеном Гарри Дадли всего за несколько секунд до этого, на виду у всех), было достаточно, чтобы женщина разразилась тирадой о том, каким грязным, мерзким, ужасным, убийственным чудовищем был его отец. Конечно, она старалась не наступать на костлявые пальцы тети Петунии, не упоминая его мать, но обе женщины не оставили сомнений в своем мнении о женской половине его рода (которое было не лучше, чем их мнение об отце), хотя и не рассматривали этот вопрос напрямую.

Когда все закончилось, дядя Вернон согласился "подумать" о подписании "этой румяной бумажки", и Гарри осталось только удивляться тому, как много он успел сделать.

Действительно, он был искренне удивлён, что в какой-то момент не применил случайную магию и не превратил тётю Мардж в фиолетовую, или не дал тёте Петунии листья для её рук, похожих на растения, не говоря уже об отсутствии использования магии в тех нескольких реальных розыгрышах, которые он совершил; он сохранял спокойствие удивительно хорошо, и не просто "при обстоятельствах". Весь подход Гарри к Дурслям начал меняться, причем довольно радикально, чуть меньше чем за неделю до возвращения в дом номер четыре по Прайвет-драйв.

Это был день, когда мир Гарри изменился навсегда, день, когда он, Рон и Гермиона приняли незаконно приготовленное зелье Анимэгуса. Это, как он успел подумать, сделало его, по крайней мере, частью преступника, в котором его обвинял дядя.

Когда они приняли это зелье, Гарри сразу же заметил, что все изменилось. Гарри уже не так беспокоился о том, что его дразнят, давят или вовлекают в какие-либо дела; вместо того чтобы обижаться, он теперь просто находил это забавным.

На самом деле, его забавляло практически все, начиная с того, как Дадли становился сильнее по мере того, как он увеличивался в размерах (Гарри предположил, что это был "дополнительный багаж" Дадли, который заставлял его мышцы становиться сильнее, чтобы приспособиться), и заканчивая тем, как тетя Петуния, казалось, была слепа к мысли, что Гарри может предвидеть ее "чистки".

В последние недели его стали интересовать инструменты, используемые для развлечения дошкольников, и он получал огромное удовольствие от того, что беспокоил Дурслей, наслаждаясь странными, ярко раскрашенными пластмассовыми игрушками, которые они дарили ему в знак оскорбления.

Конечно, раздражать их было так же приятно, как и любые игрушки, и любой шанс получить удовольствие от того и другого был просто неотразим.

Он немного поволновался по поводу своей странной перемены, но списал это на то, что виной тому была его форма Анимагуса - то, что казалось чем-то вроде котенка, причем странного, ярко-розового котенка.

Собственно, этим он и занимался в своей спальне все лето, практикуя превращение в Анимага в одиночестве; это было очень весело - исследовать места, которые он знал, будучи человеком, новыми глазами.

Особенно весело было гулять по ночам, поскольку его кошачья форма была способна видеть довольно хорошо даже в кромешной тьме, а соседские кошки, хотя и были немного шумными из-за того, что все время сидели взаперти, в целом были довольно приятны для него. Хотя до сих пор он избегал взгляда миссис Фигг, "сумасшедшей кошатницы", опасаясь, что она может дать ему какое-нибудь странное имя, связанное с розовым цветом, и объявить его своим. (Не говоря уже о том, что она ему не особенно нравилась).

Но больше всего его удивило откровение о его форме Анимагуса, которое вряд ли ожидала даже Гермиона: Он был волшебником.

Хотя видение, вызванное зельем, с самого начала навело его на эту мысль, по-настоящему он заметил это только тогда, когда понял, что, по-видимому, может ощущать присутствие людей (что было весьма полезно для предупреждения о набегах тети Петунии или о появлении за углом миссис Фигг). Затем, едва прошло три недели после его "заточения", когда он бродил по городу, он обнаружил свою вторую способность.

Он шнырял в переулке, не имеющем особого значения, когда его напугал звук большого Аллейного кота, угрожающе рычащего.

Услышав этот звук, Гарри понял, что попал в беду, поскольку, хотя слов не было, смысл этого рычания был ему совершенно ясен, как будто он извлек информацию прямо из сознания кота: он вторгся на чью-то территорию, и его собираются приструнить с особой жестокостью.

Проблема заключалась в том, что, как бы ни была нова его новая форма, у Гарри не было шансов победить в кошачьей драке, с когтями или без когтей, и когда крупный самец бросился на него, он запаниковал.

Недоуменные звуки, которые издавали в этот момент другие животные, включая недовольную кошку, привели Гарри в замешательство, и он задумался, что же произошло.

Однако прежде чем он успел об этом подумать, он заметил возможность нанести удар и сделал это. Бой оказался гораздо более равным, чем он ожидал, и только когда все закончилось и он, как победитель, получил возможность все рассмотреть, он понял, почему.

Вместо розового, Гарри вдруг обнаружил, что на нем шуба точно такого же оттенка, длины, рисунка и общего вида, как и на его поверженном противнике; фактически, все в нем вдруг изменилось и стало точно таким же, как у нормального, хотя и плохо воспитанного кота.

Сделав еще несколько попыток, Гарри обнаружил, что его новая форма была, по сути, превосходным перевертышем. Это получилось так легко и естественно, что оставаться розовым и маленьким было гораздо труднее, чем принимать облик того, на что падал взгляд; почти две недели он был либо человеком, либо животным, на которое наткнулся в последний раз.

К счастью, эта привычка ему либо надоела, либо он просто отвык от нее, поскольку к началу третьего месяца он, похоже, полностью овладел теми способностями, о которых знал.

Это было удачно, поскольку именно в это время за ним пришел сотрудник британского министерства.

Сначала Вернон был в восторге, видимо, полагая, что Гарри арестовали, но помощник министра по делам домоводства очень быстро все объяснил: "На самом деле, мистер Дурсли, это для всеобщей защиты. Видите ли, недавно сбежал опасный преступник, убийца, и у нас есть основания полагать, что он может искать юного Гарри Поттера".

Конечно, это не дало Вернону и Петунии повода для беспокойства, а Дадли был откровенно рад новости о том, что за Гарри охотится массовый убийца, и все они уже собирались выразить свои чувства по этому поводу приятной, нарядно одетой блондинке, прежде чем она, очевидно, хорошо подготовившись к этой встрече, продолжила: "Мы считаем, что будет лучше, если вы и ваша семья не будете находиться рядом с Гарри, на случай, если мистер Блэк повторит свое последнее убийство и просто взорвет всех. Если это произойдет, ну..." Женщина бросила на Дадли многозначительный взгляд, от которого лицо Петунии покрылось пеплом, хотя Дадли был хорошо защищен от таких мыслей, как "опасность" и "побочный ущерб", многими слоями жира и всю жизнь тренировался в искусстве "быть плотным".

Вернон, увидев пепельное лицо жены и холодный пот, проглотил свои прежние оскорбления и вместо этого спросил: "Куда его отвезут? Должен предупредить вас, он немного..."

Женщина прервала его, прежде чем он успел придумать подходящее оскорбление, и просто объяснила: "Он будет содержаться в специально отведенном месте, как можно больше в помещении и под постоянной охраной. Боюсь, что с этого момента его... ну, его летние каникулы будут не слишком веселыми". Она повернулась и бросила на Гарри, казалось, извиняющийся взгляд, но Гарри увидел в нем скрытое подмигивание.

На мгновение воцарилась тишина, пока Петуния нервно переживала за своих "Даддикинов", но Вернон задумчиво прервал ее тихим вопросом: "Этот... Блэк, человек... откуда он сбежал? В новостях ничего не сказали".

Женщина, казалось, на мгновение задумалась, затем вздохнула: "Ну, я не уверена, что вы слышали об этом или нет, но это тюрьма строгого режима под названием "Азкабан"".

Гарри не был уверен, что непонимание Вернона вообще о чем-то говорит, но когда глаза тети Петунии расширились почти в два раза, он заинтересовался, хотя и сохранил молчание (похоже, это ему пока помогало).

Дрожащим голосом высокая, похожая на лошадь женщина негромко произнесла: "Он пришел... оттуда?". Она бросила на Дадли затравленный взгляд, перевела его на недоумевающего Вернона, затем одарила Гарри ядовитым взглядом, выпрямилась, указала на лестницу и почти крикнула: "Собирайте свои вещи! Ты уезжаешь сейчас же! Я не позволю тебе подвергать опасности мою семью! Иди с этим секретарем или какой там женщиной и убирайся. Вон!"

Гарри был на мгновение ошеломлен, так как все это время планировал поступить именно так, но затем Вернон решил вопрос: "Ты слышал ее, мальчик, иди!".

Гарри был рад, что здесь присутствовал помощник министра по делам домашнего хозяйства, поскольку присутствие правительственного чиновника, похоже, сдерживало ярость дяди Вернона, хотя бы для того, чтобы он не создал себе имидж, который мог бы навредить ему в долгосрочной перспективе.

Привыкший к воплям дяди Вернона, Гарри быстро кивнул и практически помчался наверх, собирая все свои вещи в сундук (который довольно неплохо вмещал все его имущество); затем он с удивлением обнаружил, что дядя Вернон вызвался отнести его к ожидающему помощника автомобилю - элегантному черному внедорожнику с большим количеством места для хранения за двумя сиденьями (задние сиденья, очевидно, были сложены, чтобы было больше места).

Дурсли, конечно, не попрощались с ним должным образом, но он и этому был рад, забравшись на пассажирское сиденье автомобиля.

Он подождал, пока водитель устроится поудобнее, с любопытством разглядывая странное пространство сзади (женщина, видимо, ожидала немного больше багажа, чем один сундук, метла и клетка с совой), и только потом начал разговор.

"Итак, мисс...?"

Теперь, когда они отъезжали от Прайвет Драйв, помощник министра по делам домоводства одарил Гарри тихой, честной улыбкой: "Зовите меня Синтией; тип вашего дяди уважает только титулы, но я предпочитаю имена, вы не возражаете, если я буду называть вас Гарри?"

"Нет, конечно, нет."

Она снова улыбнулась, прежде чем снова перевести взгляд на дорогу, хотя ее внимание к дороге не помешало ей завести свой собственный разговор: "Итак, Гарри, это правда, откуда у тебя этот шрам на лбу?"

Гарри моргнул с легким недоумением: "Ты знаешь об этом?".

Синтия кивнула, все еще улыбаясь: "О да, я была на третьем курсе Хогвартса, когда это случилось".

Сердце Гарри сильно сжалось в груди, когда он услышал это: "Ты...?".

Она кивнула: "Да, все в Управлении по делам домоводства, по крайней мере, частично волшебники.

Хотя мы в основном секретны, о нас много знает только премьер-министр, кроме тех, кто работает в Министерстве магии, конечно". Она тихо улыбнулась, хотя ее глаза вдруг стали быстро искать небо: "Видите ли, я магглорожденная, и мои родители позаботились о том, чтобы я получила хорошее маггловское образование, а также колдовское, так что все это время у меня почти не было свободного времени; после окончания Хогвартса я поступила в маггловскую юридическую школу, надеясь улучшить отношения между волшебниками и немагами, и вот я здесь!"

Гарри был ошеломлен, он никогда не думал, что мир волшебников, на самом деле, так сильно укоренился в мире маглов; до этого момента они всегда казались ему такими невероятно отдельными, "Я никогда не думал".

Но Синтия, казалось, его не слушала: "Где они?". Казалось, она жонглировала двумя задачами одновременно, ведя машину и осматривая небо, стараясь при этом не быть замеченной за осмотром неба.

"Кто?"

"Тебя скоро заберут и отвезут на метле на Диагон-аллею, я везу только твой багаж. Я не могу гарантировать твою безопасность в этом грузовике, тем более что он совсем не зачарован, а на метле ехать будет гораздо быстрее."

"Ах." И с этим Гарри решил устроиться поудобнее и ждать неизбежной встречи.

"На самом деле, ты можешь достать свою метлу, так как они собираются заставить тебя управлять ею самостоятельно".

Гарри кивнул, подавляя трепет ликования от перспективы: "Можно я выпущу и Хедвиг? У нее не было возможности расправить крылья... ну, вообще-то, все лето".

Синтия улыбнулась: "Не вижу причин для этого. А, вот и мы, я просто высажу вас здесь".

Когда Синтия остановилась на повороте, остановившись на углу, на котором, по признанию

Гарри, стояли маггловские отталкивающие чары, похожие на те, что защищали Проточный котел, известный вход в магический район Лондона, известный как "Аллея Диагона", Гарри увидел пару мужчин-волшебников.

Более высокий из них, в желтой мантии, с веселым видом помахал Гарри, когда они подъехали, и, подойдя к машине, представился: "Привет! Гарри Поттер, это честь для меня! Я Людо Бэгмен, а тот нервный парень сзади - министр Корнелиус Фадж".

Теперь уже названный министр Фадж нетерпеливо фыркнул: "Не могли бы мы приступить к делу, Бэгмен? Мне не нравится, как здесь все выглядит, Блэк может наблюдать за нами, пока мы разговариваем!"

Бэгмен покачал головой: "Вы слишком много беспокоитесь, сэр, но я согласен. Лучше садись на свою метлу, Гарри; я слышал, у тебя есть Нимбус Две Тысячи, верно? И хороший флайер, верно? Это хорошо". Бэгмен удовлетворенно кивнул на собственное признание Гарри. "Ну что, министр?"

Министр Фадж еще раз осмотрелся, затем вытащил свою палочку: "А теперь стой спокойно, мы не можем допустить, чтобы маглы видели нас налево и направо". Затем он ударил Гарри по голове.

От удара у Гарри внезапно возникло ощущение, что ему на голову вылили что-то холодное и склизкое, и когда он увидел, как министр Фадж повторил заклинание над головами его и мистера Бэгмена, он понял, в чем была его цель: Это заклинание не было таким эффективным, как его Маскировка-невидимка, но эффект был достаточно похожим, эффективно скрывая их от любого, кроме самого пристального наблюдения, а поскольку они будут двигаться очень быстро и смотреть только снизу, это был очень хороший способ спрятаться на виду у всех.

Гарри сел на метлу: "Я уже спрашивал у мисс Синтии, но ничего, если я выпущу Хедвиг из клетки? В последнее время она нечасто летает".

Фадж ничего не ответил, но Бэгмен усмехнулся: "Не вижу причин для отказа, она никем не преследуется. Просто убедись, что она знает, что летать нужно прямо".

Гарри открыл клетку Хедвиг: "Слышишь, Хедвиг? Лети прямо вверх, прежде чем куда-то идти. Я буду ждать тебя, куда бы мы ни отправились, хорошо?".

Хедвиг издала звук нетерпения, смешанного с лаской, и стартовала, двигаясь по узкому кругу, который пронес ее почти вертикально на несколько сотен футов, за ней следовали три волшебника на метлах, прежде чем она выровнялась.

"Остановись здесь, Гарри!"

Гарри остановился, не потрудившись оглянуться в поисках старших волшебников: "Куда мы идем?".

Перед его глазами внезапно появилось небольшое красное свечение: "Следуй за этим, ты ведь Искатель, верно?". Голос Бэгмена казался почти игривым, когда он говорил это, но Фадж не выглядел таким же веселым.

"Мы не должны шутить, мистер Бэгмен, я знаю, что вы хорошо летаете, но мы не можем рисковать тем, что нас увидят!"

Голос Бэгмена вернулся, немного более серьезный, но все еще казался едва ли задетым тем, что его отчитали: "Если Гарри хоть наполовину так хорош, как я слышал, то мы должны добраться туда быстрее, только бы ваша охрана не отставала. Готов, Гарри?"

Гарри кивнул, хотя и не был уверен, что кто-то видит: "Да".

Красный свет выстрелил, и инстинкты Гарри взяли верх; он едва вспомнил, что есть человек, держащий этот красный свет, едва заметил, когда он пронесся через лес на скорости, очень близкой к максимальной скорости его "Нимбуса", и даже несколько раз пронесся над ним, едва не зацепив палочку, направляющую его, по крайней мере, дважды, прежде чем Бэгмен, очевидно, увеличил скорость, дразня Гарри, чтобы выжать последнюю каплю скорости из его первоклассной метлы.

Это была не та блокировка, которую он ожидал, это было откровенное удовольствие, которого он никогда не имел права ожидать; оказаться на своей метле и лететь на самой грани потери контроля, как сейчас, - вот чего он жаждал каждый день, в любое время, и с нетерпением ждал только в роли Ищейки гриффиндорской команды по квиддичу в Хогвартсе.

Он едва осознавал, что на его лице появилась ухмылка и блеск в глазах, которых он никогда бы не заметил раньше, едва осознавал, что издает довольные звуки, гоняясь за маленьким огоньком по воздуху, и только когда на периферии своего сознания он понял, что они летят над Лондоном, он осознал, что происходит: Его кошачьи инстинкты преследования усиливали его и без того замечательные инстинкты Искателя, доводя его до таких высот, о которых он не имел права и мечтать.

Он не думал о Сириусе Блэке, не помнил, что у него на хвосте министр и его неуловимая гвардия, не заботился о том, что его голова прошла в миллиметрах от нескольких десятков больших, тяжелых веток на скорости, которая могла превышать пару сотен километров в час.

Он знал только, что этот маленький красный огонек находится прямо перед ним, бежит от него, дразнит, практически умоляет поймать его.